

DOI 10.31483/r-106115

*Кугай Александр Иванович***ПРОСТРАНСТВО ДОМА КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ**

Аннотация: в главе представлена жилищная проблема с точки зрения концепции дома, недостаточно изученного в социологических исследованиях. Исследование пространства дома неотделимо от жилищного дискурса, возможности обсудить повседневную жизнь, различные варианты выбора реализации домашнего пространства через социокультурные аспекты, такие как память, конфиденциальность, эмоции, ностальгия, ритуалы и дизайн. В главе основное внимание уделяется теоретическому осмыслению пространства и места домашнего быта. Исходя из предположения, что способы использования нашего дома, а также жилищная практика зависят от социальных и культурных характеристик, в данной главе предлагается определить культуру жилища как исследовательское понятие, в котором основное внимание уделяется дому как социокультурной практике жилища. Культура жилища как социологическая концепция подразумевает жилище как повседневную практику, в которой дом формируется и реализуется на пересечении идентичности, отношений и смыслов через материальную форму, символический и культурный капитал.

Ключевые слова: жилище, дом, быт, пространство, место, символический капитал, культурный капитал, Бурдье.

Abstract: the chapter presents the housing problem, from the point of view of the concept of a house, which has not been sufficiently studied in sociological studies. The exploration of the space of the house, inseparable from the discourse of housing, the opportunity to discuss everyday life, the various options for the implementation of home space through socio-cultural aspects such as memory, privacy, emotions, nostalgia, rituals and design. The chapter focuses on the theoretical understanding of the space and place of home life. Based on the assumption that the ways in which our home is used, as well as housing practices, depend on social and cultural characteristics, in this chapter we propose to define the culture of the home as a research concept that

focuses on the home as a sociocultural practice of housing. The culture of housing as a sociological concept implies housing as an everyday practice in which the home is formed and realized at the intersection of identity, relationships and meanings through material form, symbolic and cultural capital.

Keywords: *dwelling, house, life, space, place, symbolic capital, cultural capital, Bourdieu.*

Введение

В условиях современных глобальных событий, связанных с пандемией заболевания COVID-19, нахождение за дверью квартиры стало повседневным императивом, изменив символику дома как пространство свободы и уединения в пространство ограничений и беспокойства. Перефразируя П. Кинга [14], нас интересует, что происходит за дверью квартиры. И это все влияет на то, как мы живем и переживаем дом. В социологии жилья, мы используем определение Р. Аткинсона и К. Джейкобса, согласно которому социология жилья исследует «отношения между обществом и отдельными людьми, относящиеся к широкому спектру социальных, экономических и политических явлений, а дом служит посредником в этих отношениях» [4, с. 17]. Это – одно из многих определений социологии жилья, но одно из немногих который включает в себя понятие дома как аспекта жилья. Однако было бы неправильно говорить о том, что не существует литературы, посвященной теоретизированию и исследованию дома, учитывая, что уже в работах членов Чикагской школы мы встречаемся с домом как с ценным элементом жилищных исследований с точки зрения взаимосвязи жилища с социальными ценностями, эстетическими предпочтениями, дизайном и архитектурой [24]. Точнее сказать, что социологические исследования дома редки и настолько переплетены с другими социальными явлениями, что понятие дома как социологической категории исчезло из социологии жилья, к которой он, возможно, должен принадлежать больше всего, и мы встречаем его как часть социологии стилей жизни, социологии вкуса и социологии культуры [17].

В статье основное внимание уделяется теоретическим концепциям жилья, которые определяют дом как пространство воображения, как место, где воспоминания, ностальгия и идеалы переплетаются с рутинной и привычками, образуя вместе повседневную жизнь. Однако современный дом, как и «все другие аспекты общественной жизни», является товаром и продуктом в «обществе потребления» [11]. Использование домашнего пространства, а также жилищная практика зависят от социальных и культурных параметров, при этом жилье – это гораздо больше, чем количественные показатели, стандарты квартир и удовлетворенность квартирой [15]. Неспроста в социологии жилья регулярно преобладают исследования, посвященные патологии жилья, особым социальным группам и жилищной политике [4]. Поэтому жилье, как система, есть чрезвычайно сложное социальный феномен, связанный с городской инфраструктурой, а также экономическим и политическим развитием и является одним из социальных явлений, которые всегда и постоянно требуют решения, улучшения и никогда не могут быть решены полностью или способом, который удовлетворил бы всех участников. Жилье исследуется в социологии посредством исследования жилищной политики и показателей качества жилья, в то время как другие аспекты жилья находятся на периферии исследовательского интереса. В данной работе мы предлагаем определить культуру жилища как исследовательскую концепцию, в центре внимания которой находится дом как социокультурная практика жилья.

Словосочетание «жилая культура» мы встречаем в архитектуре и антропологии, но в социологическом дискурсе оно не используется ни фразеологически, ни концептуально. Причиной этому является уже упомянутая направленность к макроперспективе жилья, основанной на исследованиях жилищной политики жилищных патологий, где нет места квартире как социальному пространству, в котором разворачивается повседневная жизнь, то есть квартире как пространству воображения. С целью понимания связи между бытом и жильем необходимо ввести понятие обыденности, которое имеет в виду не только регулярность, но и все то, что составляет повседневную жизнь, и то, что касается того, о чем мы на самом деле сознательно не думаем. По словам П. Кинга, размышление о жизни происходит,

когда мы «либо слишком полны, либо слишком пусты, в кризисе или в застое», это означало бы, что в повседневной жизни мы часто не осознаем жилья, что делает жилье одновременно банальным и фундаментальным [16, с. 50].

Под жилищной культурой как социологическим понятием мы подразумеваем жизнь как повседневную практику, в которой посредством материальной формы, символического и культурного капитала дом формируется и реализуется как пересечение «индивидуальной идентичности, социальных отношений и собирательный смысл [22].

Статья сосредотачивается на социологии жилища с точки зрения «роли живых людей» в собственном доме. Позиционируя дом как пространственное воображаемое место, в котором происходит повседневная жизнь, не умаляется макроизмерение социологии жилья, которая занимается теорией жилья.

Что есть дом?

На законодательном уровне мы видим, что это субъективная категория, основанная на отношениях между человеком и пространством. На семантическом уровне мы находим различия в языке, когда дело доходит до значения слов «дом» и «квартира». Дом – это термин, который включает в себя как дом, так и квартиру. Слово квартира относится к административному аспекту дома. Статистическое управление определяет дом как структурно связанную единицу, предназначенную для проживания, состоящую из одной или нескольких комнат с соответствующими вспомогательными помещениями или без подсобных помещений и имеет свой отдельный вход. Даже в разговорной речи слово квартира употребляется при описании функциональности, обустройства или стандарта, при этом при выражении действий, чувств, воспоминаний и связи с жилым пространством почти регулярно употребляется слово дом. Слово «дом» семантически связано с очагом, семьей, защитой и принадлежностью, а также является локальным измерением дома [3]. А. Блант и Р. Даулинг определяют дом «как место и как совокупность чувств/культурных смыслов и отношений между ними» [6, с. 2]. Однако «локализованная идея» открывает возможность того, что дом не обяза-

тельно подразумевает фиксированное пространство, более важной характеристикой дома является регулярность, определенный ритм, который оно повторяет во времени, тем самым вводя время в определение дома. Дж. Дуйвендак [10] определяет дом через элементы знакомства, убежища и рая, пытаясь таким образом ответить на вопрос, что значит чувствовать себя как дома [3]. Знакомство предполагает знакомство с конкретным местом, которое можно назвать домом, убежище относится к аспектам безопасности, комфорт, уединение и эксклюзивность дома, а дом как рай имеет дело с символическим и коллективным аспектом дома и не обязательно локализованным. Типология дома, включающая большое количество ранее перечисленных аспектов суммировано Аткинсоном и Джейкобсом [4] на двух уровнях: концептуальном и материальном. На концептуальном уровне мы находим дом как опыт и как репрезентацию, где эмпирическое измерение включает в себя внутренние и субъективные переживания дома, в то время как репрезентация включает культурное, медийное и художественное представление дома. На материальном уровне Аткинсон и Джейкобс говорят об объекте проживания, месте и перформативности, т.е. о практиках дома, где объект подразумевает убежище, место относится к соседству, сообществу и самой местности, в то время как перформативность дома включает в себя различные повседневные жилищные практики, такие как «сделай сам» и приготовление пищи [4, с. 40]. Принимая во внимание вышеизложенное, можно определить дом как концепт, включающий в себя социологические параметры – концептуальные, пространственные, эмоциональные и перформативные, которые контекстуализировались в конкретных социокультурных условиях.

Символический и культурный капитал в социологии жилья

Чтобы понять культуру жилища, мы исходим из того, что пространство дома включает социокультурные артефакты, отмеченные обычаями и распорядком дня, а также различными классификациями резидентов [18] Одинаковость характеризуется временным измерением, в котором переплетаются прошлое и будущее, память и планирование, таким образом создавая ритм жизни, который

приводит к спектру переживаний. Однако если домашние пространства являются продуктом социальных и культурных практик, существуют предрасположенности, влияющие на жилье. Повседневная жизнь наполнена размышлениями о том, как мы живем, о причинах, почему мы так живем, каким образом это определяет нас. В одной из своих фундаментальных концепций, габитусе [2], Пьер Бурдьё исходит из предположения, что «пространство дома присваивается обитателями и его можно интерпретировать как систему предрасположенностей или обычаев, порожденных прошлым опытом» [18, с. 117].

Помимо предрасположенностей, которые берут свое начало в социокультурной среде, влияющей на жилищную практику, еще одним аспектом жилищного строительства повседневной жизни является тот факт, что пространство дома, помимо всего прочего есть материальный объект, который мы используем, трансформируем и адаптируем [7]. Иными словами, все аспекты жилья говорят за арендатора: расположение в городе, архитектура здания, планировка комнат, комфорт... В конце концов, и «куча вещей», которые характеризует каждый дом, хотя часто это одни и те же объекты, расположение, стиль, тип и даже количество вещей раскрывают повседневную практику жилища и отношения, которые устанавливаются с домашним пространством [17]. Началась популяризация дома как материального объекта, через который жилец выражает свою индивидуальность, к тому же с развитием виртуальных социальных сетей, доступ к просмотрам стал глобальным и массовым.

Жилье всегда пропагандировалось средствами массовой информации, начиная с того, что жилье покупается, продажа концепции дома формирует вкусы и продвигает ценности через медиа-презентацию, адаптированную для целевой группы. Варианты кажутся многочисленными, но вопрос в том, какие аспекты имеют значение в повседневной обыденной жизни. Для объяснения спектра разнообразия повседневного жилища мы используем концепции Бурдьё о капитале, прежде всего культурном и символическом, которые подчеркивают взаимосвязь между восприятием дома как пространственного воображаемого и домом как социокультурного артефакта.

Объясняя создание иерархий классов и статусов, анализируя роль различных видов материальных и символических ресурсов, Бурдье опирается не только на понимание функционирования культурного капитала, его интересует как экономический (финансовый) и социальный (сетевой и межличностный) капитал участвуют в создании социального неравенства. Важно подчеркнуть, что разные виды капитала не представляют собой закрытые системы, они не существуют в вакууме, а переплетаются сложным образом и взаимозависимы.

Культурный капитал, основанный на вкусах, приобретенных в результате образования и социализации, знания, навыки и интересы, определяет социальное положение, т.е. социальный статус индивидуальный. Согласно Бурдье, этот тип капитала проявляется в трех измерениях: воплощенный культурный капитал представляет собой знания и навыки, объективированный капитал представляет собой культурные артефакты, которыми мы владеем, например, книги, искусство, одежда и т. д. Будучи институционализированным, культурный капитал относится к формальному образованию, т. е. полученным дипломам, подтверждающим воплощенный капитал. «Вкус, склонность и способность к соответствующей (материальной или символической) классификации, классификации предметов или практик, является порождающей формулой образа жизни, уникальным набором различных предпочтений, выражающих одно и то же экспрессивное намерение в пределах определенной логики каждого из символических подпространств: мебели, одежды, языка или телесного гексиса» [7, с. 173].

Для Бурдье вкус социально сконструирован и является выражением классового положения, которое в большинстве случаев передается по наследству. Книги, которые кто-то читает, музыку, которую слушают, пищу, которую едят, мероприятия, которые он посещает, хобби, часть города, в которой он живет, мебель, которую он выбирает, картины на стенах – все это выражения культурного капитала, которым определяется его идентичность, личная, но также социальная и групповая идентичность.

Бурдьё интересовался анализом и попыткой понять роль различных форм капитала в различных социальных сферах и контекстах, в том числе среди прочего и районах проживания. В книге «Социальные структуры экономики». Бурдьё занимается французским рынком жилья и анализирует различных субъектов, действующих в этой области, от государственных учреждений, определяющих жилищную политику, через агентов по недвижимости до застройщиков и пользователей квартир. Основной тезис относится к экономическим принципам, которые участвуют в формировании различных аспектов жилищного строительства. Рынки не являются единственным определяющим фактором, т.е. жилые помещения определяют не только экономические факторы, они также представляют собой своего рода символический капитал, т.е. отражают социальный статус [8].

Если мы не будем рассматривать жилое пространство редуционистски, только как экономическую категорию, а принимая во внимание символические аспекты, т.е. значения, которые мы ей приписываем, то нетрудно интерпретировать одно из наблюдений Бурдьё о том, что в попытке подняться по социальной лестнице, что находит отражение и в выборе дома, представители низов и среднего класса часто ведут себя вопреки рациональной, экономической перспективе, пытаясь построить образ жизни не по средствам. Бурдьё, на основе исследований в контексте Франции восьмидесятых годов, делает вывод, что выбор между покупкой квартиры или дома и найма зависит от многих факторов: экономического капитала, культурного капитала, демографических переменных, таких как возраст и пол, количество детей, и, прежде всего, от общей структуры капитала, т.е. относительного соотношения экономического и культурного капитала. Так, например, эмпирические данные, представленные в книге «Социальные структуры» показывают, что в группах с большим экономическим капиталом существует гораздо больше тех, кто владеет домом или квартирой, в отличие от некоторых групп с богатым культурным капиталом, но несколько слабее экономического [8].

В контексте размышлений о культурном капитале в рамках жилищного вопроса, Бурдые выделяет «технический капитал» как особую форму культурного капитала, которая относится ко всем техническим характеристикам и навыкам, необходимым для строительства и обслуживания дома. Бурдые приписывает этот тип капитала исключительно мужчинам. Критикуя редукционистский подход к анализу роли культурного капитала в сфере быта и жилья, Сильва и Райт [23] предупреждают, что «технический капитал» не является, как Бурдые предполагает, только капиталом, которым владеют мужчины, а принадлежит и женщинам. И чрезвычайно важный аспект накопления культурного капитала, проявляющийся в творчестве и по эстетическим суждениям о дизайне дома, т.е. по вкусу, он вообще не признается «капитальным». Оформление интерьера, как преимущественно женское занятие, по мнению авторов, представляет добавленную стоимость и, таким образом, прямо и наравне с другими определениями участвует в определении дома как формы капитала.

Грэм-Ханссен и Бек-Даниельсен [13] используют понятие образа жизни, как показатель современной классовой структуры, чтобы указать на социальное расслоение в сфере выбора жилья. На основе качественных исследований они делают вывод, что жилое пространство имеет символическое значение по-разному, размер и расположение дома указывают на положение человека в социальной шкале. Они также находят, как эстетический выбор при украшении дома – выбор мебели, предметов, цветов и т. д. – оказывают больше влияния, чем структурные факторы и указывают на индивидуалистический подход и культурную эмансипацию в создании образа жизни. Взгляд во внутрь дома, в этом исследовании, раскрывает менее структурированное общество позднего модерна, в котором идентичность является вопросом личного выбора, уже не подверженного столь сильному влиянию унаследованного культурного капитала, а устройство дома, особенно для женщин, становится площадкой для развития и самовыражения. Вудворд подчеркивает двойственную природу объектов, найденных в каждом доме, где с одной стороны представляют собой культурный капитал, который указывает или хочет указать на определенный социальный статус, демонстрируя

вкус, а с другой стороны, эти же предметы они также имеют частное, психологическое измерение, которое отражается в роли, которую играют отдельные домохозяева; предметы дома играют важную роль в построении личности и управлении семейными отношениями [24].

Концептуальные основы культурного жилья в свете концепции повседневной жизни: обыденность, ритм и пространство

Изучение опыта, ритма и значения жилья через концепцию жилищной культуры опирается на теоретические понятия повседневности и обыденности, темпоральности и ритма и культурно-символический капитал. Такой подход к жилищному исследованию позволяет связать названные понятия с целью выявления специфики жилища на микроуровне, ориентируясь, как уже было сказано, на смысл и жизненный опыт.

Быт, обыденность и ритм в жилье

Благодаря сложности устройства системы жилища как права человека и как часть национальной и местной политики, социологических жилищные исследования касаются не столько жилья, сколько части повседневной жизни. Современное общество глобальное, мобильное, сетевое, постоянно меняется, трансформируется и набухает в событийно-информационном переизбытке, ориентируясь на новый опыт и знания. Однако на уровне быта большинство представителей этого современного общества занято рутинной жизнью как таковой, у него есть рутина, по которой оно движется, особо не задумываясь о том, «много ли у нас в жизни или слишком мало, слишком ли мы упускаем это [16, с. 35].

Рутины и привычки – это черта повседневной жизни, обыденность – это то, чем живут люди. Большинство людей не путешествуют в неизвестные места каждый день, они не попадают каждый день в непредвиденные жизненные ситуации, не встречают каждый день много новых людей и не меняют свою жизнь полностью, большинство людей даже не задумываются о причинах или способах, они живут, прагматическими аспектами жизни. Именно эта обыденность, по Кингу, и есть исследовательская концепция, чего не хватает в социологии жилья, поскольку это «невидимая рамка», имеющая свое уникальное значение для всех,

кто живет. Несмотря на то, что «все так обыденно», обыденность и повседневность специфичны для каждого человека, обыденная деятельность, в том числе жилищная, воспринимается каждым по-разному, что превращает эти обычные, повседневные привычки и рутину, в способ, которым мы реализуем себя социально, т. е. они имеют ценность, и мы привязываемся к ним. «Повествование жизни» проявляется в пространстве дома через спектр предметов, их расположение и рутины, к которым указывает на наличие, отсутствие или расположение предметов, путей движения в пространстве и ритм повседневной деятельности. Последние свидетельствуют о рутине и привычках жизни, самых обычных, вездесущих, но в то же время разнообразных, более того, неповторимых для всех, тем самым делая пространство дома случайным фоном повседневной жизни, но эффектным декором и театром действия [16].

Пространство и место дома

Определение и выделение пространства и места как специфических категорий в социальных и гуманитарных науках произвели богатые теоретические и эмпирические изыскания в различных сферах социального бытия. Сложность понятий пространства и места характеризуется дихотомией, объясняющей множество социальных явлений, будь то речь идет о процессах глобализации и урбанизации, производства и трансформации идентичности или с другой стороны, отношении общества и отдельных людей к искусственной и природной среде. «Все, что мы исследуем, помещается; происходит где-то и включает материальные вещи» [12, с. 466]. В море определений пространства и мест, которые созданы за последние сто лет, есть общий знаменатель, начинающийся или заканчивающийся в точке понимания понятия пространства и места по отдельности и в отношениях: пространство и место – это социальные конструкты, которые одновременно являются продуктами и производителями социальных отношений. М. Лев в «Социологии пространства», представляет обзор теоретической концепции пространства, рассматривает конституирование пространства как перформативный акт, который «не является чисто когнитивным актом или феноменом восприятия, а заранее сконструированным явлением и осуществляется посредством

институтов, конвенций и дискурсов» [19]. В постмодернистском дискурсе, вернее, в суперсовременности, отношения между пространством и местом усложняются по мере того, как само место динамизируется под влиянием потока информационных и коммуникационных технологий, вызывающих эффект сжатия времени и пространства, в результате чего место утрачивает свою роль известного и статичного и трансформируется либо в не-место, либо – в прогрессивное место, открытое и глобальное, в то время как пространство становится прерывистым и изменчивым. Связь пространства и места через концепцию дома -подход, утверждающий, что «дом является одной из величайших сил интеграции мыслей, воспоминаний и мечтаний», предлагающий анализ топоса, как анализ места интимной жизни, вникая в детали домашнего пространства, описывая материальные и чувственные аспекты, согласно которым мы определяем наше собственное значение дома. Г. Башляр, подчеркивая значение памяти и рефлексии как ключевых аналитических инструментов в анализе топоса, апострофирует пространство, потому что «время перестает ускорять воспоминания» [5, с. 9].

Отличие дома от жилой площади или домашнего хозяйства в литературе часто характеризуют определением дома как места: места эмоций, места ностальгии, места парадокса [9] [20] Дом – это конструкция, которая идеализирована больше, чем другие социальные конструкты, обладает двояким идеалом, потому что он включает в себя физическое измерение дома, но также и эмпирическое, где дом является местом переживаний, иногда положительных, а часто и отрицательных. Когда дело доходит до дома как пространства, в литературе этот аспект дома признается фактической ситуацией, дом имеет свое собственное пространственное измерение, потому что он является частью застроенной среды. Для Норберга-Шульца «дом – это фиксированная точка, которая превращает окружающую среду в место жительства», но это также и «пространство внутри пространства, повторяющее основные структуры окружающей среды, это пол, земля, потолок – небо, а стены – горизонт» [21, с. 91].

Если подойти к пониманию дома как пространства внутри пространства, а пространство, как было сказано ранее, есть динамическая конструкция, прерывистая и подвижная, дом – это своего рода пространственное воображаемое, исследование которого дает нам представление о социальных отношениях и практиках на микроуровне. Таким образом, современный дом больше похож на пространственное воображение, чем на фиксированное место.

Заключение

Мы думаем о нашей повседневной жизни только тогда, когда ее стабильность нарушается, когда она сбивается с пути повседневной жизни, особенно это касается работы, обычных практиках, таких как жилье. Потому что все где-то живут. Концепция культуры жилья ориентирована на социокультурные практики повседневного жилья, на совокупность действий, движений и занятий в пространстве квартиры, которые одновременно производят и реализует дом. Жилищная культура подразумевает жизнь как повседневную практику, в котором посредством материальной формы повседневного, символического и культурного капитала дом формируется и реализуется как пересечение индивидуальной идентичности, социальных отношений и коллективного значения. Концепция человеческой жизни апострофирует смысл пространства дома, который является не только убежищем, но производит и приспособливает события и разнообразие. В то же время это пространственное воображаемое со всеми его смыслами и переживаниями реализуется в повседневной жизни как обычное место, где реализуется наша социальная жизнь через межличностные отношения, события и рутинное существование. С другой стороны, жилищная культура подразумевает культуру в самом широком смысле, как дефиницию в системе общепринятых смыслов, ценностей и норм, реализуется через латентные и манифестные функции, где манифестные функции представляют собой реализацию латентных в повседневной жизни.

Концепция жилищной культуры позволяет размышлять о жилье через повседневные практики, имея дело с повседневными, не рефлекслируемыми событиями, такими как повседневная рутина и жизнь в доме, но также восприятие

смысла и опыта жилья, в котором исследуется взаимосвязь культурных и социальных функций жилья.

Список литературы

1. Кугай А.И. Со-воспитательная роль городского пространства в социализации детей: Фламандский опыт / А.И. Кугай // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 203–213.

2. Кугай А.И. Влияние психоанализа на формирование концепции «символического капитала» и «габитуса» Пьера Бурдьё / А.И. Кугай // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 117–126.

3. Кугай А.И. Позитивное развитие молодежи в контексте семейного досуга / А.И. Кугай // Современные вызовы образования и психология формирования личности: монография / гл. ред. Ж.В. Мурзина; Чувашский республиканский институт образования. – Чебоксары: Среда, 2023. – С. 44–52.

4. Atkinson R. and Jacobs K. House, home and society. London: Palgrave MacMillan, 2016

5. Bachelard G. The Poetics of Space. Beacon Press: Boston. 1950.

6. Blunt A. and Dowling, R. Home. London: Routledge, 2006.

7. Wirth L. On cities and social life: Selected papers. Chicago, Ill: University of Chicago Press, 1981.

8. Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Cambridge MA: Harvard University Press, 1984.

9. Bourdieu P. The social structures of the economy. Cambridge: Polity, 2005.

10. Cieraad I. At home: An anthropology of domestic space. Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 2006.

11. Duyvendak J. The politics of home. Belonging and nostalgia in Western Europe and the United States. In IBR Online. Berlin, Boston, 2009.

12. Flint J. and Rowlands, R. Commodification, normalisation and intervention: Cultural, social and symbolic capital in housing consumption and governance. *Journal of Housing and the Built Environment*, 2003. N 18. pp. 213–232.
13. Gieryn T.F. A space for place in sociology. *Annual Review of Sociology*, 2000. N 26 (1), pp. 463–496.
14. Gram-Hanssen K. and Bech-Danielsen, C. House, home and identity from a consumption perspective. *Housing, Theory and Society*, 2004. N 21 (1). pp. 17–26.
15. King P. *Private Dwelling: Contemplating the Use of Housing*. Hoboken: Taylor and Francis, 2013.
16. King P. *Thinking on Housing: Words, Memories, use*. Routledge, 2017.
17. King P.J. *The common place: the ordinary experience of housing*. Aldershot: Ashgate, 2006.
18. Kusenbach K. and Paulsen, K. (Eds.) *Home: International Perspectives on Culture, Identity, and Belonging*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2013.
19. Lawrence R.J. A more human history of houses: Research method and application, in: Altman, I. and Werner, C. (Eds.). *Home environments*. New York, NY: Plenum, 1985.
20. Löw M. *The sociology of space: Materiality, social structures, and action*. New York, N.Y: Palgrave Macmillan, 2012.
21. Mallett S. Understanding home: a critical review of the literature. *The Sociological Review*, 2004. N 52, pp. 62–89.
22. Norberg-Schulz C. *The concept of dwelling: On the way to figurative architecture*. New York: Rizzoli, 1993.
23. Short J.R. Foreword, in: Cieraad, I. (Ed.). *At Home: An Anthropology of Domestic Space*. Syracuse: Syracuse University Press, 1999.
24. Silva E.B. and Wright D. Displaying desire and distinction in housing. *Cultural Sociology*, 2009. N 3 (1), pp. 31–50.
25. Woodward I. Domestic objects and the taste epiphany: A resource for consumption methodology. *Journal of Material Culture*, 2001. N 6 (2). pp 115–136.

Кугай Александр Иванович – д-р филос. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Россия, Санкт-Петербург.
